

Резниченко София Ивановна

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ К ДОМУ В РАЗНЫЕ
ВОЗРАСТНЫЕ ПЕРИОДЫ**

19.00.13 – психология развития, акмеология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата психологических наук

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре дифференциальной психологии и психофизиологии
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Научный руководитель: доктор психологических наук, профессор,
Нартова-Бочавер Софья Кимовна

Официальные оппоненты: **Куфтяк Елена Владимировна,**
доктор психологических наук; профессор
кафедры специальной психологии и
педагогики ФГБОУ ВО «Костромской
государственный университет им.
Н.А. Некрасова»

Авдулова Татьяна Павловна,
кандидат психологических наук, доцент
кафедры возрастной психологии ФГБОУ
ВО «Московский педагогический
государственный университет»

Ведущая организация: **ФГБУН «Институт психологии
Российской академии наук»**

Защита состоится 29 сентября 2016 г. в 12 часов на заседании
диссертационного совета Д-850.013.01, созданного на базе Московского
государственного психолого-педагогического университета, по адресу: 127051,
г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, ауд. 414.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского
государственного психолого-педагогического университета и на сайте МГППУ
<http://мгппу.рф/>.

Автореферат разослан « » июля 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.Ю. Кулагина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. При высокой значимости изучения жизненных сред в позитивном функционировании и развитии личности такая существенная среда, как дом парадоксальным образом до сих пор игнорировалась. Домашняя среда присутствует в человеческой жизни от рождения до смерти, видоизменяя содержание и меру влияния, но сохраняя свою ресурсную функцию. Однако картина исследований в этой области чрезвычайно мозаична и бессистемна.

Исследованы девиантные формы взаимодействия человека с домом (бродяжничество, вандализм, агрессия, побеги из дома), однако нет модели нормативного взаимодействия. В социальной психологии есть немногочисленные исследования дома как предмета потребительского поведения, в психоанализе – как модели личности в единстве ее осознаваемых и бессознательных структур, в семейной психологии – как пространства семейного взаимодействия, но нет единой модели, равно как и концептуального аппарата, объединяющего эти работы. Частично изучены замещающие вторичные жизненные среды (больница, санаторий, интернат), но нет информации об их соответствии тому, что эти среды замещают (Marquardt и др., 2009; Day и др., 2000). Изучен семейный уклад, частные аспекты домашней среды – приватность, уединение, однако до сих пор понятия «семейная среда» и «домашняя среда» нередко отождествляются, хотя первая акцентирует социальное взаимодействие, вторая – предметно-пространственные условия этого взаимодействия (Куницына, Юмкина, 2012; Куфтяк, 2010; Blunt, Dowling, 2006; Meesters, 2009). Наконец, известен ряд работ, посвященных изучению рекреационных функций природной и городской среды, однако никто не изучал эти функции в контексте дома (Пряжникова, Голубь, 2012; Стерлигова, 2003, 2005; Филин, 1990; Линч, 1982; Bonnes, 2000; Pretty и др., 2003).

Косвенные данные свидетельствуют, что дом и отношение человека к нему вносит весомый вклад в позитивное функционирование личности – признано благотворное влияние привязанности к дому на самооценку, личностный рост, процессы само- и групповой идентификации, чувство принадлежности и психологическое благополучие (Хейдметс, 1981, 1985; Cooper и др., 2009; Evans, 2002; Horowitz, Tognoli, 1982).

Мы рассматриваем привязанность к дому как субъект-объектное отношение, которое возникает в пространстве взаимодействия человека с главным местом его обитания. Поскольку потребностная сфера человека развивается по мере взросления, изменяется и селективная чувствительность к тем характеристикам домашней среды, которые отвечают потребностям субъекта. Поэтому образ дома и отношение к нему обусловлены возрастом и полом субъекта. С другой стороны, они зависят также и от

характеристик самого дома. Создание общей модели привязанности к дому представляет собой теоретико-методологическую основу для получения новых и переосмысления полученных ранее фактов.

Цель исследования – изучение феноменологии привязанности и отчуждения от дома.

Объект исследования – привязанность к дому.

Предмет исследования – особенности привязанности к дому на разных стадиях жизненного пути.

Научная новизна исследования обусловлена обоснованием концептуального аппарата и центрального понятия работы – привязанности к дому, получением новых эмпирических фактов, касающихся динамики и содержания привязанности к дому в четырех возрастных периодах жизненного пути (подростковый, юность, зрелость и зрелость), изучением ресурсной функции дома в разные возрастные периоды, открытием причин привязанности к дому и отчуждения от него в разные возрастные периоды, описанием половых различий обсуждаемого феномена, а также созданием инструмента изучения привязанности к дому.

Теоретическая значимость исследования определяется выделением психологии домашней среды как отдельной теоретико-прикладной области исследований, привязанности к дому – как самостоятельного предмета исследования; разработкой авторской теоретической модели привязанности к дому и ее эмпирической верификацией. Исследование уточняет роль домашней среды в развитии и психологическом здоровье личности на разных возрастных стадиях, проанализирована половозрастная специфика мотивационных основ привязанности и отчуждения от дома. В работе впервые исследовался дом с его эмоционально-смысловыми и функционально-содержательными характеристиками, задающими основу для формирования положительного или отрицательного отношения к нему. Алгоритм изучения привязанности к дому может быть использован при исследовании взаимодействия с другими жизненными средами.

Практическая значимость исследования. Прикладное значение исследования состоит в том, что его результаты, содержащие новые достоверные данные о причинах привязанности к дому и отчуждения от него, создают научную основу экспертизы и проектирования дружественной домашней и замещающей сред для людей различного возраста, что чрезвычайно востребовано социальными и психологическими службами, а также образовательными и пенитенциарными учреждениями. Побочным, но не менее важным продуктом исследования явилась батарея надежных методов оценки домашней среды. Полученные результаты позволяют разработать аргументированные психолого-педагогические рекомендации людям разного возраста, направленные на усиление ресурсных функций дома.

Теоретико-методологической основой исследования явились основные принципы и положения теории всевозрастного развития (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, Л.Ф. Обухова, Е.А. Сергиенко, А.Ш. Тхостов, П. Балтес); положения психологии жизненного пути о связанности отношений человека и его среды жизнедеятельности с возрастными задачами и личностными смыслами (Л.И. Анцыферова, Б.С. Братусь, И.Ю. Кулагина, Д.А. Леонтьев, В.И. Слободчиков, Н.Н. Толстых, Д.И. Фельдштейн, Н.Е. Харламенкова, Р. Хевигхерст, К. Lewin, S. Mulder, J. Meesters). Были включены положения субъектного и субъектно-бытийного подходов об избирательности развития человека в отношении средовых характеристик (Е.Д. Божович, Е.А. Сергиенко), о развивающем и адаптивном потенциале жизненного пространства (Г.М. Андреева, В.В. Знаков, В.Н. Куницына, Е.В. Куфтяк, Н.А. Кондратова, С.К. Нартова-Бочавер, З.И. Рябикина, Л.В. Смолова, Х.Э. Штейнбах, Р. Gustafson, J. Malpas). Внесли вклад положения средового подхода об избирательности, целенаправленности и контекстности восприятия среды (А.И. Миракян, В.И. Панов, Ю.Г. Панюкова, К. Линч, В.А. Филин, В.А. Ясвин, J. Gibson, D. Canter, M. Wallenius); концепции требовательного характера среды (К. Lewin, R. Kaplan, M. Lawton), теория допущений (J. Gibson), а также наработки субъектно-средового подхода о динамичности и реципрокности отношений человека и его жизненного пространства (С.К. Нартова-Бочавер, М. Хейдметс, М. Черноушек); модели дружелюбности среды и ее влияния на психологическое здоровье личности (Н.С. Дмитриева, С.К. Нартова-Бочавер, L. Norelli, M. Kytä). Значимый вклад внесли модели изучения эмоциональной, функциональной и когнитивной привязанности к месту и к дому как ресурсных факторов для поддержания психологического здоровья личности (L. Cuba, R. Gifford, D. Hummon, J. Inglis, K. Korpela, H. Proshansky, E. Relph, L. Scannell, D. Stokols).

Общая гипотеза исследования: Привязанность к дому как субъект-объектный феномен, заданный мотивационной сферой личности и характеристиками домашней среды, представляющий собой ресурс психологического здоровья человека, обладает выраженной возрастной специфичностью.

Частные гипотезы исследования: 1. Привязанность к дому сопряжена с характеристиками образа дома. 2. Привязанность к дому представляет собой возрастнo- и полоспeцифичный феномен. 3. Слабая, умеренная и сильная привязанность к дому регулируется разными характеристиками образа дома. 4. Привязанность к дому представляет собой предиктор психологического здоровья человека. 5. Мотивационные основы Привязанности и Отчуждения сопряжены с возрастом, полом и уровнем привязанности.

Задачи исследования: 1. На основании теоретико-методологического анализа определить понятие привязанности к дому. 2. Разработать методический

инструментарий для изучения привязанности к дому. 3. Изучить обусловленность привязанности к дому характеристиками дома. 4. Изучить вклад привязанности в переживание чувства гармоничности жизни. 5. Описать гендерную и возрастную вариативность всех проявлений привязанности к дому. 6. Исследовать специфику мотивационных компонентов привязанности и отчуждения от дома.

Методы исследования

Использовались аналитический, типологический, психодиагностический, экспертный, статистический методы, а также метод контент-анализа. В основном исследовании использовались *методики*:

1) опросник «Функциональность домашней среды», предназначенный для изучения функциональных возможностей идеальной домашней среды;

2) опросник «Личностная релевантность домашней среды», позволяющий изучить значимые для человека возможности реальной домашней среды;

3) шкала «Привязанность к дому», выявляющая уровень привязанности человека к его дому;

4) стандартизированный опросник «Чувство гармоничности жизни», для исследования Чувства гармоничности жизни как фактора психологического здоровья личности (адаптирован на основе версии Е.Н. Осина; оригинальная версия опросника – А. Antonovsky «Sense of coherence»);

5) для качественного исследования мотивационных основ привязанности и отчуждения от дома использовалась аддитивная методика неоконченных предложений.

Выборка. Общая выборка составила 622 респондента, из которых:

1) 417 человек (возрастной диапазон 13–63 года; $M_{\text{возр.}}=20.6$; $SD=8.9$; 30.3 % мужского пола) приняли участие на этапе разработки методов исследования. 2) 330 человек участвовали в основном исследовании и были распределены по 4 возрастным группам: 1. подросткового возраста ($N=91$; $M_{\text{возр.}}=12.9$); 2. юношеского возраста ($N=90$; $M_{\text{возр.}}=20.1$); 3. периода взрослости ($N=81$; $M_{\text{возр.}}=31.7$); 4. периода зрелости ($N=68$; $M_{\text{возр.}}=51.2$). 3) 6 человек составили экспертную группу ($M_{\text{возр.}}=30.1$; $SD=9.7$). Возрастные диапазоны были определены таким образом, чтобы уравнивать подгруппы по объему и приблизительно соответствовать подростковой, юношеской стадиям, ранней взрослости и средней взрослости.

Положения, выносимые на защиту:

1. Привязанность к дому – это положительная эмоциональная связь человека с его домом, проявляющаяся в предпочтении этой среды другим и стремлении осуществлять там различные виды деятельности. Привязанность к дому обладает регуляторным, адаптивным и валеологическим потенциалом и необходима для

поддержания психологического здоровья человека. Привязанность к дому континуальна (изменяется от уровня слабой выраженности (отчуждения) до уровня сильной выраженности) и динамична (меняет свой уровень, предикторы и вклад в психологическое благополучие в зависимости от возрастной стадии).

2. Привязанность к дому обусловлена характеристиками самого дома. При этом в ее формирование вносит бóльший вклад образ реального, чем идеального дома. Чем больше расхождение между образом реального и идеального дома, тем ниже уровень привязанности. Чем слабее привязанность к дому, тем более значимы для человека функциональные характеристики домашней среды.

3. Привязанность к дому является ресурсом психологического здоровья, при этом ее ресурсная сила отличается возрастной лабильностью: вклад Привязанности к дому в Чувство гармоничности жизни максимален в подростковом возрасте, к периоду взрослости становится менее значительным, а к зрелому – снова возрастает.

4. Привязанность к дому полоспецифична: представительницы женской подвыборки более чувствительны к функциональным возможностям домашней среды, чем представители мужской подвыборки. Формирование и поддержание актуального уровня привязанности к дому в зависимости от пола регулируется различными функциональными характеристиками домашней среды.

5. Привязанность к дому зависит от возраста: в молодости привязанность к дому сильнее обусловлена функциональными характеристиками домашней среды, чем в период взрослости и зрелости. В каждом возрасте существует своя иерархия характеристик дома, вносящих значимый вклад в уровень Привязанности к дому; слабая привязанность чаще встречается в подростковом возрасте, а сильная – в зрелом.

6. Мотивы привязанности человека к его дому обладают высокой дифференцированностью: мотивы Привязанности заданы преимущественно функционально-содержательными особенностями дома, а мотивы Отчуждения от дома – эмоционально-смысловым контекстом дома.

7. Мотивы Привязанности и Отчуждения от дома зависят от пола (в женской подвыборке мотивы Привязанности и Отчуждения чаще, чем в мужской, заданы его эмоционально-смысловым наполнением) и возраста (дифференцированность мотивов Привязанности к дому слабеет с возрастом, а мотивов Отчуждения от дома усиливается). Мотивация Привязанности и Отчуждения не связана с актуальным уровнем привязанности к дому.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии ФГБОУ ВО МГППУ (2011; 2013–2015). Материалы исследования

излагались в тезисах следующих научных мероприятий: X научно-практическая межвузовская конференция молодых ученых и студентов «Молодые ученые – нашей новой школе» (2011, Москва); VIII международная научно-практическая конференция «Гуманитарные и естественнонаучные факторы решения экологических проблем и устойчивого развития» (2011, Новомосковск); VI и VII Российские конференции по экологической психологии (2012, 2015, Москва); VI Всероссийская научно-практическая конференция «Личность и бытие: субъектный подход» (2013, Краснодар); Всероссийская психологическая научно-практическая конференция «Личностная идентичность: вызовы современности» (2014, Майкоп); Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Психология и современный мир» (2015, Архангельск); VI Международная конференция молодых ученых «Психология – наука будущего» (2015, Москва); Всероссийская конференция «От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете» (2015, Москва); V Международная конференция «Психология индивидуальности» (2015, Москва); конференция Международного общества по изучению индивидуальных различий (2013, Барселона); Международный конгресс прикладной психологии (2014, Париж); Международная конференция по прикладной психологии (2015, Любляна; 2016, Лиссабон), XVII Европейская конференция по психологии развития (2015, Брага); Международный симпозиум Европейского общества по изучению развития в период взрослости (2016, Гаага); II Всемирная конференция по психологии личности (2016, Бузиос). Результаты исследования включены в лекционные материалы ФГБОУ ВО МГППУ по дисциплинам «Дифференциальная психология» и «Психология среды», а также в материалы курсов «Дифференциальная психология», «Психология личности и индивидуальных различий», «Научно-исследовательский семинар», читаемых в ФГАОУ ВП НИУ ВШЭ.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав и выводов к ним, заключения, библиографического списка (381 источник, в том числе 258 зарубежных), 28 приложений. В тексте имеется 23 таблицы, 14 рисунков. Основной текст составляет 229 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении аргументируется актуальность темы исследования, изложены научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования; определены теоретико-методологическая основа, цель, задачи и гипотезы исследования; обозначены изучаемые объект и предмет; описаны методы исследования; сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Взаимодействие человека со средой в психологии развития» посвящена теоретическому анализу объектного уровня субъект-средовых отношений, а именно роли домашней среды в детерминации восприятия, поведения, предпочтений и развития человека в целом. Взаимоотношения человека и среды реципрокны и вписаны в жизненный контекст эмпирической личности: на каждом жизненном этапе определенные характеристики домашней среды становятся ресурсом для решения возрастных задач развития (Кулагина и др., 2001; Нартова-Бочавер, 2005, 2016; Хейдметс, 1981, 1985; Шкопоров, 1985; Эриксон, 1994; Baltes, 1984, 1987; Havighurst, 1972, Wohlwill, 1975). В каждом возрасте процесс развития человека чувствителен к различным функциональным параметрам среды, которые в свою очередь «направляют» деятельность и поведение субъекта (Знаков, 2003; Панов и др., 2009; Сергиенко, 2012; Смолова, 2008; Узнадзе, 1966; Шмелева, 2006; Bronfenbrenner, 1998). В **параграфе 1.1** описывается Поведенческий подход к изучению субъект-средовых отношений, постулирующий, что среда жизнедеятельности обладает детерминантами поведения – определенными характеристиками, которые формируют модели поведения и субъектность человека (Barker, 1968; Després, 1991; Lewin, 1935; Senf и др., 1976).

Параграф 1.2 посвящен анализу функционального подхода к изучению отношений человека и его домашней среды. Параметры домашней среды функционально значимы для субъекта, а мера и характер этой значимости зависит от разноуровневых потребностей человека (Heft, 2003; Rapoport, 1982, 1955). Гармоничная, дружественная среда должна быть конгруэнтна (Person–environment fit) мотивационно-потребностной сфере человека (Kaplan, 1983; Stokols, 1979; Wallenius, 1999) и содержать допущения – «полезные» средовые возможности, способные удовлетворить потребности человека (Gibson, 1986; Kytä, 2004; Lindberg и др., 1992).

В **параграфе 1.3** представлен анализ структурного подхода к субъектно-средовым отношениям, который постулирует, что отношение к домашней среде контекстуально и зависит от жизненных задач человека (Нартова-Бочавер, 2001, 2002, 2016; Смолова, 2008; Штейнбах, Еленский, 2004; Levinson, 1986; Newman, Newman, 1991; Mulder, 1993). Взаимоотношения с домашней средой формируются с учетом ее физических характеристик, а также интериндивидуальных особенностей (например, возраст, доход, уровень образования) и ценностей человека. Последние являются ведущими в процессе принятия решения о выборе той или иной среды или ее функции. Механизм средового выбора регулируется взаимодействием ценностей человека, допущений и атрибутов среды (модель «Средства–Цели») (Недзельский, 2012; Coolen и др., 2001; Meesters, 2009; Pieters и др., 1995).

Параграф 1.4 посвящен анализу исследований взаимоотношения человека с жилой средой в возрастной перспективе. Взаимосвязи между субъектом и средой носят динамичный и зигзагообразный характер (Обухова, 1998; Петровский, 1996; Рябикина, 2008; Харламенкова, 2013; Wohlwill, 1975). Рассмотрены условия средовой конгруэнтности потребностям дошкольников и младших школьников (подконтрольность, безопасность, возможность персонализации, трансформируемость и возможность активной деятельности) (Осорина, 2008; Эльконин, 1999; Chawla, 1992, 2002; Hart, 1982; Horelli, 1998; Korpela и др., 2002; Willms, 2002). Обозначены основные потребности подросткового возраста (Авдулова, 2011; Кон, 1979; Поливанова, 1996; Толстых, 2001) и конгруэнтные им качества дружественной домашней среды: «эмоциональная отзывчивость» и поддержание чувства значимости, безопасность, возможность творческой деятельности, возможность проявления самостоятельности, автономности и «взрослости», уединение (Кондратова, 2008; Clark, Uzzel, 2002; Nordström, 2010; Nettles и др., 1994). Оптимальная для успешного решения жизненных задач в период ранней взрослости домашняя среда должна обеспечивать индивидуализацию пространства (Schreiner, 2012), доступность и практичность, визуальную привлекательность (Khozae, 2012; Roche и др., 2010), возможность быть местом встреч с друзьями и развлечений (Khozae, 2012; Meesters, 2009). В период средней взрослости значимыми становятся характеристики домашней среды, обеспечивающие семейное взаимодействие и позволяющие заботиться о членах семьи (безопасность, экологичность, защищенность) и вести домашнее хозяйство (Куница, Юмкина, 2012; Куфтяк, 2011; Meesters, 2009). Для зрелых людей предпенсионного и пенсионного возраста значимы функции домашней среды, содействующие саморазвитию, творческой деятельности (Meesters, 2009; Wahl и др., 2010), социальному взаимодействию и выполнению социально «полезной» деятельности (Lawton, 1974; Yen и др., 2012), а также качества среды, поддерживающие физическое здоровье и облегчающие «средовое давление» (безопасность, управляемость, легкость ориентировки) (Smith и др., 2011; Srinivasan и др., 2003).

Во **второй главе «Исследования привязанности к месту (дому)»** рассматривается субъектный уровень субъект-средовых отношений, а именно феномен привязанности к месту и родственных ему интраиндивидуальных отношений, установок и значений дома для человека. В **параграфе 2.1** описывается концептуальная база феномена «привязанности к месту» (place attachment), идея которого была позаимствована из психоаналитической теории, а концептом-предшественником явилось «чувство места», раскрывающее эмоциональную связь человека с определенным местом с его пространственно-содержательной организацией и смысловым

содержанием для человека (Hay, 1988; Shamai, 1991; Tuan, 1974). Обсуждается многообразие и неоднозначность определений и трактовок изучаемого феномена (Inglis, 2008; Pruneau и др., 1999; Relph, 1976; Windsor, McVey, 2005). *Приводится рабочее для нашего исследования определение привязанности к месту (и к дому как частному варианту феномена) как положительной эмоциональной связи человека с местом (домом), проявляющейся в предпочтении этой среды другим и стремлении осуществлять там различные виды деятельности и оставаться вблизи этого места как можно дольше и подкрепляемой функционально-содержательным и эмоционально-смысловым мотивационными компонентами.*

Рассматриваются функции привязанности к дому, которые опосредованно поддерживают психологическое здоровье человека: адаптационные (чувство безопасности, знание и умение пользоваться ресурсами среды), регуляторные (регуляция эмоций и поведения, целедостижение, самоконтроль) и смысловые (формирование и поддержание преемственности, идентификации, персонализация, приватность) (Нартова-Бочавер и др., 2015; Панюкова, 2000; Понукалина, 2003; Fried, 2000; Manzo, 2005; Scannell, Gifford, 2010). Отмечается, что привязанность к дому может быть дисфункциональной и накладывающей ограничения на свободу и независимость человека (Billig, 2006). Формирование привязанности к дому происходит вследствие отражения человеком смыслов дома и их индивидуальной ценности, удовлетворенности содержательными характеристиками среды, а также позитивной оценки собственного взаимодействия с домашней средой. На формирование привязанности к дому влияют длительность взаимодействия со средой, позитивный опыт переживаний, связанных с жилым пространством, актуализация аффилиативных потребностей и другие (Relph, 1976; Hidalgo, Hernandez, 2001), возраст, достаток, уровень образования, количество членов семьи, пол и др. (Pinkster, Van Kempen, 2002). Привязанность к дому как к среде жизнедеятельности наиболее часто проявляется на эмоциональном уровне (переживание положительных эмоций при нахождении в домашней среде; проявления отрицательного эмоционального субспектра в ситуации разлуки с домом) и как конативная установка (поддержание близости с местом, экологичное поведение, стремление к сохранению статуса-кво места проживания и т.п.) (Brown, Perkins, 1992; Fried, 2000; Lewicka, 2005).

В **параграфе 2.2** анализируется полисемантичность дома как понятия и как объекта привязанности – как физического объекта с предметно-пространственной композицией (Rollero, De Piccoli, 2010), деперсонифицированного, общественного жилого пространства (жилой среды) (Chemero, 2003), как центра жизнедеятельности человека (домашней среды) (Пилипенко, 1993; Coolen, 2006; Meesters, 2009), как места, наполненного интраперсональными значениями – эмоциями, смыслами, историей (дома)

(Rapoport, 2001; Шабалин, 2006). Взаимодействие с домашней средой складывается на объективном, деятельностном уровне, а отношение к ней определяется удовлетворенностью ее функциональными возможностями (такими как управляемость, доступность, предсказуемость) (Coolen, 2006; Neft, Kyttä, 2006). Привязанность к дому определяется личностными смыслами (дом как олицетворение прошлого, настоящего и будущего или дом как цель возвращения и т.п.) и воплощается через образы, мысли, эмоции, предпочтения (чувство дома, переживание счастья и др.) (Sixsmith, 1986).

В параграфе 2.3 обсуждаются методологические проблемы изучения феномена привязанности к месту (дому), главная из которых – структура феномена привязанности. В структуре привязанности выделяют разные единицы и формы привязанности: идентификацию с местом (Williams, Roggenbuck, 1989); аффективную (Graaf van der, 2009), социально-культурную (Woldoff, 2002; Lewicka, 2005), функциональную (Stokols, Shumaker, 1981; Raymond и др., 2010) формы привязанности, привязанность к природе (Williams и др., 1992). Анализ теоретических алгоритмов и моделей исследования привязанности к дому показывает, что интегральными структурными элементами являются феномены функциональной привязанности и эмоционально-смысловой привязанности (Scannell, Gifford, 2010).

Параграф 2.4 посвящен анализу функциональной и эмоциональной-смысловой мотивационных основ привязанности. Описывается суть Функциональной привязанности или феномена зависимости от места (place dependence). Функциональная привязанность есть субъективное отражение дружелюбности среды и возникает, когда цели и потребности человека, связанные с определенными видами деятельности (ухода за детьми, проведение досуга и т.п.) удовлетворяются, а также тогда, когда содержательные качества среды комфортны, удобны и доступны для своего обитателя (Резниченко, 2012; Stokols, Shumaker, 1981). Эмоционально-смысловая привязанность, которая определяется как сложный конгломерат ассоциаций, мыслей и чувств по поводу образа дома и его соответствия личностным смыслам, ожиданиям и жизненным целям, сопровождается идентификацией с местом (place identity). Этот тип привязанности связан с воспоминаниями, ассоциациями, с символическим наполнением дома, межличностными отношениями (Johnson, 1998). Некоторые исследователи (Moore, Graefe, 1994) в качестве самостоятельных форм (компонентов) привязанности выделяют отдельно когнитивную (знание и принятие образа дома) и эмоциональную привязанность (положительные эмоции, связанные с домом).

Приводится критический анализ когнитивной и эмоциональной привязанности как автономных эмпирических конструкторов, который указывает на методологические

трудности определения теоретических и тем более эмпирических границ этих типов привязанности, при том, что в деятельностной и культурно-исторической парадигмах постулируется неделимость и единство эмоциональной и рациональной сфер личности. Особые трудности возникают при соотнесении с тем или иным компонентом таких мотивов привязанности к дому, которые попадают в категорию личностных смыслов (Леонтьев, 2005). Предлагается и обсуждается авторская двухфакторная модель, согласно которой привязанность к дому подкрепляется эмоционально-смысловым (смысловой тип привязанности) и функционально-содержательным (функциональный тип привязанности) мотивационными компонентами.

В **параграфе 2.5** описывается отрицательный эмоционально-конативный полюс отношений человека к дому (Broto и др., 2010; Fried, 2000; Manzo, 2005). Концепт отчуждения от дома *определяется нами как переживание неприязни, отторжения и оторванности от дома, сопровождающееся поведенческими установками на минимизацию взаимосвязей с домом и с его социальным, эмоциональным, смысловым и физическим наполнением, и на антипсихологичное поведение* (например, порча имущества или неуважение прав и границ домочадцев). Отчуждение от дома возникает при неудовлетворенности человека эмоционально-смысловыми и функциональными характеристиками дома и негативно сказывается на развитии и психологическом здоровье личности (Kahana и др., 2003; Rubinstein, Parmelee, 1992).

В **третьей главе «Эмпирическое исследование привязанности к дому»** излагаются этапы и процедура исследования, разработка методического аппарата, выборка и результаты исследования. В **параграфе 3.1** приводится концептуальная основа, процесс создания и психометрика разработанных методик. Описывается создание и валидизация основных методов. Опросник «Функциональность домашней среды» (ФДС) позволяет изучить функциональность *идеального образа дома* человека и содержит 4 шкалы: 1) Прагматичность – базовые функции дома, которые облегчают повседневную деятельность человека и связаны с укладом жизни и быта в домашней среде; 2) Развитие – характеристики дома, отвечающие за развитие человека и снабжение сенсорной, когнитивной и социальной информацией; 3) Стабильность – потенциал домашней среды в обеспечении стабильности, чувства комфорта, ее узнаваемости и предсказуемости; 4) Защищенность – обеспечение безопасного и успешного взаимодействия с внешней социальной средой (например, регуляция границ, экспозиция статуса).

Опросник «Личностная релевантность домашней среды» (ЛРДС) направлен на определение личностной значимости характеристик *реального дома* и включает семь

шкал: 1) Управляемость (прогнозируемость и контролируемость домашней среды, возможность ее «подгонки» под ситуативные нужды обитателя); 2) Ресурсность (средовые ресурсы, обеспечивающие информационную, социальную, физическую поддержку и ощущение стабильности); 3) Самопрезентация (возможность экспозиции личностных качеств, достижений, интересов и идей личности через домашнюю среду); 4) Эргономичность (комфортность и удобство домашней обстановки); 5) Отчужденность (неприятие домашней среды и неудовлетворенность мерой ее функциональности); 6) Пластичность (гибкость, динамичность и трансформируемость); 7) Историчность (наличие ассоциативных связей человека с домом на уровне автобиографических воспоминаний, знаний символов и истории дома, связывающих его с другими родственниками и поколениями). Дополнительно оценивался коэффициент расхождения образов реального и идеального дома – ЛРДС–ФДС.

Описана также разработка ключевой для исследования методики – опросника «Привязанность к дому». За основу был взят опросник Дж. Инглиз, исследующий привязанность к месту (Inglis, 2008). Опросник состоит из 14 утверждений и содержит одну шкалу, отражающую меру привязанности к дому (например: «Я чувствую, что мой дом – это часть меня»). Валидизация опросника ($N=287$; $M_{\text{возр}}=21.5$, $SD=9.2$) показала хорошие индексы внутренней согласованности ($\alpha=0.89$) и удовлетворительное соответствие модели эмпирическим данным ($CMIN/DF=3.2$; $RMSEA=0.089$; $AIC=454.5$).

В этом же параграфе обосновывается выбор и валидизация шкалы Чувства гармоничности жизни, предназначенной для оценки психологического здоровья и жизнестойкости личности. Оригинальная версия опросника («Sense of coherence») и одноименный концепт принадлежат А. Антоновскому; последний понимается как личностная установка к самостоятельному и активному решению жизненных проблем и совладания со стрессом при помощи средовой поддержки (Antonovsky, 1984). В нашей стране шкала А. Антоновского была адаптирована и переведена как шкала Чувства связности (Осин, 2007). Стандартизация обнаружила высокую согласованность шкалы ($\alpha=0.86$). Кроме того, нами было изменено название опросника на «Чувство гармоничности жизни» как на более созвучное и семантически близкое исходному концепту.

Описывается методическая основа качественного исследования мотивационных основ привязанности и отчуждения от дома – методика «Неоконченные предложения», три из которых связаны с описанием причин привязанности к дому, а другие три – с описанием причин отчуждения от дома.

Параграф 3.2 включает описание эмпирической базы и процедуры исследования. Выборка основного исследования составила 330 человек, жителей Москвы и ближайшего Подмосковья со средним годовым доходом 360 тысяч рублей, собственников или сособственников жилья, распределенных по четырем возрастным группам: 1) подростки ($N=91$; возрастной диапазон 12–17 лет; $M_{\text{возр}}=12.9$; $SD=1.3$; 44 человека женского пола); 2) респонденты юношеского возраста ($N=90$; возрастной диапазон 18–24 лет; $M_{\text{возр}}=20.1$; $SD=2.3$, 47 респондентов женского пола); 3) респонденты периода зрелости ($N=81$ человек; возрастной диапазон 25–44 лет, $M_{\text{возр}}=31.7$; $SD=4.9$; 43 респондента женского пола); 4) респонденты периода зрелости ($N=68$ человек; возрастной диапазон 45–72 лет, $M_{\text{возр}}=51.2$; $SD=7.9$, 38 человек женского пола). Дополнительно была сформирована экспертная группа для оценки качественных данных, в которую вошли 6 человек (возрастной диапазон 27–40 лет, $M_{\text{возр}}=30.1$; $SD=9.7$, 3 – женского пола) с высшим психологическим образованием и/или имеющих ученую степень. Участие в исследовании было анонимным, добровольным и проходило в форме «карандаш–бумага» и в форме онлайн-опроса.

Для обработки первичных данных использовались приемы статистического анализа: эксплораторный и конфирматорный факторный анализ (в т.ч. критерий альфа Кронбаха и критерий согласия (goodness-of-fit test), корреляционно-регрессионный (коэффициенты корреляции Спирмена, Пирсона и конкордации Кендалла), частотный (критерий хи-квадрат и Фишера), дисперсионный анализ (в т.ч. пост-хок тесты Тьюки и Геймса–Хоуэлла), непараметрические методы сравнения средних двух и более выборок (критерий Манна–Уитни и Краскела–Уоллиса). Статистическая обработка проводилась на базе программ MS Excel 14.0, SPSS 19.0 и модуля AMOS 19.0, а также QDA Miner 4.1.

В **параграфе 3.3** описываются результаты верификации эмпирических гипотез. В **подпараграфе 3.3.1** рассматривается гипотеза о сопряженности Привязанности к дому с характеристиками образов реального и идеального дома и зависимости этих связей от возраста и пола. Корреляционно-регрессионный анализ позволил подтвердить гипотезу о наличии сопряженности между Привязанностью к дому и образами реального и идеального дома (таблица 1). Привязанность к дому сильнее взаимосвязана с характеристиками реального дома (особенно с Ресурсностью и Эргономичностью) и слабее – с характеристиками идеального образа дома (Прагматичность не влияет на привязанность к дому). Отчужденность и расхождение между характеристиками образа реального и идеального дома (ЛРДС–ФДС) является достоверным антипредиктором Привязанности к дому.

Таблица 1

Вклад функциональных характеристик образа реальной и идеальной домашней среды
в переживание привязанности к дому по всей выборке (N=330)

В переживание привязанности к дому по всей выборке (N=336)												
β	Функциональные характеристики домашней среды											ЛР/Ф
	Реальный дом							Идеальный дом				
	Ре	Э	Сп	Упр	Пл	И	О	Р	З	С	Пр	
	0.69	0.57	0.49	0.49	0.39	0.34	-0.24	0.28	0.12	0.14	-	
p	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.03	0.01	-	0.00

Обозначения: Ре – Ресурсность, Э – Эргономичность, Сп – Самопрезентация, Упр – Управляемость, Пл – Пластичность, И – Историчность, О – Отчужденность, Р – Развитие, З – Защищенность, С – Стабильность, Пр – Прагматичность, ЛР/Ф – коэффициент расхождения образов реального и идеального дома (ЛРДС–ФДС).

Проверка гипотезы о вариативности показателей основных переменных в зависимости от возрастного фактора при помощи ANOVA (ДЗР Тьюки) показала, что подростки и юноши более восприимчивы (имеют наибольшее количество достоверно значимых различий), чем люди старшего возраста, к характеристикам домашней среды. Корреляционно-регрессионный анализ показал, что в подростковом возрасте образ идеального дома важен для формирования Привязанности, но с возрастом его потенциал ослабевает и к периоду взрослости перестает влиять на Привязанность к дому (рис. 1).

Рис. 1. Вклад характеристик образов реального и идеального дома в Привязанность к дому в разные возрастные периоды

Характеристики образа реального дома наиболее значимы для формирования Привязанности к дому в подростковом и юношеском возрасте, а наименее – в период

взрослости. У подростков наиболее весомый вклад в привязанность вносят качества реальной домашней среды – Эргономичность, Ресурсность, возможность Самопрезентации и Историчность (при $p \leq 0.001$). Также привязанность слабо поддерживается функциями идеального образа дома – Развитием, Стабильностью и Защищенностью. В юности привязанность наиболее активно поддерживается ($p \leq 0.001$) характеристиками образа реального дома – Ресурсностью, Эргономичностью, Управляемостью и возможностью Самопрезентации, а ослабляется Отчужденностью.

Значимыми факторами образа идеального дома являются возможность Развития ($p \leq 0.001$) и чувство Защищенности ($p \leq 0.01$). В период взрослости на Привязанность оказывают влияние только характеристики реального образа дома, в особенности Ресурсность ($p \leq 0.001$). В период зрелости Привязанность наиболее сильно подкрепляется такими качествами реального дома, как Ресурсность и Управляемость ($p \leq 0.001$), а разрушается – Отчужденностью от дома ($p \leq 0.05$). Во всех возрастах расхождение между образами желаемого и реального дома – значимый антипредиктор Привязанности (подростковый, юность и зрелость – при $p \leq 0.001$; взрослость – при $p \leq 0.01$).

Изучение зависимости влияния характеристик образа дома от пола показало, что в женской подвыборке более значимым фактором ($p \leq 0.001$), результирующим Привязанность к дому, оказывается Управляемость и Пластичность дома, в то время как для мужчин – возможность Самопрезентации и Историчность. Фактор Отчужденности у женщин явился значимым антипредиктором ($p \leq 0.001$) привязанности к дому, в то время как у мужчин такового влияния не было обнаружено. Среди характеристик идеального образа дома привязанность у женщин сопряжена с Защищенностью ($p \leq 0.05$), для мужчин предикторами оказались показатели Стабильность ($p \leq 0.01$) и Прагматичность ($p \leq 0.05$). В целом в женской подгруппе влияние факторов реального образа дома на Привязанность более значимо. Полученные результаты позволяют подтвердить гипотезу о том, что Привязанность к дому представляет собой возрастно- и полоспецифичный феномен.

В подпараграфе 3.3.2 проверялась гипотеза о том, что разные по силе уровни привязанности к дому регулируются разными характеристиками образа дома. Для проверки гипотезы основная выборка была поделена на терцили ($P_{33,3}=3.43$; $P_{66,6}=4.00$) по уровню привязанности к дому – группы людей со слабой, умеренной и сильной привязанностью. Анализ средних значений и регрессионный анализ позволил заключить, что у слабо привязанных к дому людей характеристики образа реального дома вносят больший вклад в Привязанность к дому, чем в других группах. На статистически высоком уровне ($p \leq 0.001$) слабая привязанность

подкрепляется Ресурсностью, Управляемостью, Самопрезентацией и Эргономичностью домашней среды; умеренная – Эргономичностью и Управляемостью, а достоверным предиктором ($p \leq 0.001$) сильной привязанности является Ресурсность. Отрицательный вклад в переживание слабой ($p \leq 0.001$), умеренной ($p \leq 0.001$) и сильной ($p \leq 0.05$) привязанности к дому вносит расхождение между образами желаемого и реального дома, в то время как фактор Отчужденности от дома негативно влияет ($p \leq 0.001$) только на слабую привязанность. Образ идеального дома вообще не влияет на уровень привязанности.

Также описаны результаты возрастной специфики уровней привязанности к дому. Частотный анализ (Хи-квадрат Пирсона) обнаружил, что в подростковом возрасте особенно ($p \leq 0.001$), а также в юности и период зрелости ($p \leq 0.05$) слабая привязанность к дому возникает чаще, чем в период зрелости. А сильная привязанность к дому возникает чаще ожидаемых частот у зрелых людей. Регрессионный анализ позволил сделать вывод, что из всех характеристик идеального образа дома только Прагматичность вносит вклад в поддержание сильной привязанности к дому и только в зрелом возрасте (таблица 2).

Таблица 2

Возрастная специфика вклада функциональности домашней среды
в силу привязанности к дому

Возраст	Реальный дом							Идеальный дом				ЛР/Ф
	Ре	Сп	Упр	О	Э	Пл	И	Пр	Р	С	З	
	Слабая привязанность											
Подростки	0.52***	0.35*	0.42**	-	0.50***	0.38*	0.37*	-	-	-	-	-0.60***
Юность	0.83***	0.51**	0.76***	-0.61***	0.50**	0.39*	-	-	-	-	-	-0.55***
Взрослость	-	-	-	-	-	-	0.37*	-	-	-	-	-
Зрелость	-	-	-	-0.35*	-	-	-	-	-	-	-	-0.33*
	Умеренная привязанность											
Подростки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Юность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Взрослость	0.38*	0.43*	0.66***	-	0.53**	-	-	-	-	-	-	-0.38*
Зрелость	0.57**	0.48*	0.46*	-	0.46*	-	-	-	-	-	-	-0.48*
	Сильная привязанность											
Подростки	0.45*	0.53**	-	-	0.45*	-	-	-	-	-	-	-
Юность	0.47**	0.36*	0.47**	-	0.37*	-	0.39*	-	-	-	-	-0.37*
Взрослость	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Зрелость	0.68**	-	0.70***	-	0.46*	-	-	0.45*	-	-	-	-

Примечание: * – $p \leq 0.05$; ** – $p \leq 0.01$; *** – $p \leq 0.001$.

Обозначения: Ре – Ресурсность, Сп – Самопрезентация, Упр – Управляемость; О – Отчужденность; Э – Эргономичность, Пл – Пластичность, И – Историчность; Пр – Прагматичность, Р – Развитие, С – Стабильность, З – Защищенность; ЛР/Ф – коэффициент расхождения реального и идеального образов дома (ЛРДС–ФДС).

Слабая привязанность у подростков поддерживается преимущественно Ресурсностью и Эргономичностью, в юности – Ресурсностью, Управляемостью, Самопрезентацией и Эргономичностью, в период взрослости – слабо Историчностью, а в зрелости – не связана с качествами реального образа дома. Умеренная привязанность в подростковом и юношеском возрастах не связана с какими-либо характеристиками дома, в период взрослости наиболее сильно обуславливается Управляемостью, а в зрелости – Ресурсностью. В развитие сильной привязанности у подростков вносят существенный вклад возможность Самопрезентации, в юношеском возрасте – умеренно поддерживается Управляемостью и Ресурсностью, в зрелом возрасте сильная привязанность не связана с образом реального дома, а в зрелом возрасте сильно подкрепляется Управляемостью и Ресурсностью.

Здесь же приводится описание сопряженных с полом связей силы привязанности и характеристик образа дома. В женской подвыборке в целом все уровни привязанности сильнее связаны с характеристиками домашней среды, чем в мужской. Слабая привязанность в мужской подвыборке значимо регулируется Ресурсностью ($p \leq 0.001$), а в женской – Ресурсностью, Управляемостью, возможностью Самопрезентации через жилище и Эргономичностью ($p \leq 0.001$). Для представительниц женского пола функцией идеального образа дома ($p \leq 0.05$), определяющей слабую привязанность, является Пластичность. Умеренная привязанность у мужчин не опосредуется никакими функциями жилища, в то время как у женщин она умеренно поддерживается Эргономичностью ($p \leq 0.001$), Управляемостью жилища ($p \leq 0.001$), Ресурсностью ($p \leq 0.01$), а также слабо подкрепляется возможностью Самопрезентации и Историчностью домашней среды ($p \leq 0.05$). Сильная привязанность у представителей мужского пола слабо регулируется ($p \leq 0.05$) Эргономичностью и возможностью Самопрезентации, а у представительниц женского – Ресурсностью ($p \leq 0.001$) и Управляемостью ($p \leq 0.05$).

В подпараграфе 3.3.3 приводятся результаты корреляционного ($r=0.256$; $p \leq 0.001$) и регрессионного ($\beta=0.276$, $p \leq 0.01$) анализа по всей выборке, обнаружившие факт положительной сопряженности Привязанности к дому с Чувством гармоничности жизни. Предварительный анализ средних значений отразил слабую вариативность показателей Чувства гармоничности жизни в возрастных ($p \leq 0.077$) и гендерных ($p \leq 0.085$) подгруппах. Результаты корреляционно-регрессионного анализа позволили заключить, что влияние Привязанности к дому на психологическое здоровье личности отличается возрастной лабильностью (таблица 3).

В подростковом возрасте Чувство гармоничности жизни наиболее сильно обусловлено Привязанностью к дому, это влияние ослабевает в юности, к периоду

взрослости исчезает совсем, а к периоду зрелости снова возникает, но достаточно слабое.

Таблица 3

Вклад Привязанности к дому в переживание Чувства гармоничности жизни в разных возрастах

Коэффициент	Подростковый возраст (N=91)	Юность (N=90)	Взрослость (N=81)	Зрелость (N=68)
β	0.465***	0.278**	-	0.313*

Примечание: * – $p \leq 0.05$; ** – $p \leq 0.01$; *** – $p \leq 0.001$.

Мы также изучили вклад каждого из уровней привязанности в переживание чувства гармоничности жизни. Оказалось, что только высокая степень привязанности к дому сопряжена ($r_s=0.264$, $p \leq 0.01$) с Чувством гармоничности жизни. При этом значимое влияние сильной привязанности на Чувство гармоничности жизни наблюдалось только в подростковой группе ($\beta=0.407$; $p \leq 0.05$) и у зрелых людей ($\beta=0.448$; $p \leq 0.05$).

Результаты анализа сопряженности привязанности к дому и Чувства гармоничности жизни в группах разного пола показали, что эти связи одинаково интенсивны у женщин и мужчин ($r_s=0.298$ и $r_s=0.269$, соответственно, при $p \leq 0.001$). При этом Чувство гармоничности жизни у женщин не детерминируется ни одним из уровней привязанности, а предиктором оно у мужчин является высокий уровень привязанности ($\beta=0.380$; $p \leq 0.05$).

Таким образом, гипотеза о том, что Привязанность к дому имеет адаптивный смысл для человека и поддерживает его психологическое здоровье, а вклад Привязанности к дому в психологическое здоровье зависит от возраста человека, была подтверждена. Взаимосвязи между Привязанностью к дому и психологическим здоровьем не зависят от пола.

Подпараграф 3.3.4 посвящен качественному исследованию текстовых данных (по методике «Неоконченные предложения») с целью выяснения мотивационных основ Привязанности и Отчуждения от дома. Качественное исследование методом контент-анализа проходило в 4 этапа. На первом этапе создавался инструмент контент-анализа: 1. *темы* – мотивация Привязанности и мотивация Отчужденности; 2. *единицы анализа* – ответы респондентов на 6 неоконченных предложений (три из которых отражают мотивацию Привязанности, например: «Самое главное для меня в моем доме...», а оставшиеся – мотивацию Отчуждения от дома: «Мне очень не нравится, когда в моем доме...»); 3. *категории контент-анализа*: 1) Эмоционально-смысловой мотивационный компонент привязанности/отчуждения к дому (Э), является отражением индивидуально-личностных ценностей, ожиданий, оценок, предпочтений и чувств человека по отношению к дому (например, «где хорошо»; «место, где можно быть собой»; «где одиноко и пусто»; «дом, который вызывает

чувство безысходности»). 2) Функционально-содержательный компонент (Ф), отражающий определенные условия и функции дома, позволяющие/мешающие удовлетворять биологические потребности и выполнять повседневную деятельность с комфортом и удобством (например, «дом, который прост в уходе», «где есть возможность отдохнуть»; «просторный»; «где нет условий для жизни»; «где шумно»). Описания, которые можно отнести и к функциональным и к эмоционально-смысловым характеристикам дома, составили группу эмоционально-функционального единства (ЭФ) мотивов привязанности и отчуждения от дома с двумя категориями: 3) компонент ЭФ-единства с эмоциональной доминантой (ЭФЭ) (например, «гостеприимный», «красивый», «однообразный») и 4) компонент ЭФ-единства с функциональной доминантой (ЭФФ) («где есть личное пространство», «логичный»; «бесполезный», «нелепый», где «суета»); 4. *Словарь «замещений»*: 129 словарных единиц (Олейник, 2009).

Второй этап заключался в проведении экспертного опроса, где задачей экспертов было соотнесение словарных единиц с определенной категорией (Э, Ф, ЭФЭ, ЭФФ) при помощи кодировочной инструкции. На третьем этапе изучалась согласованность экспертных оценок. Четвертый этап заключался в верификации гипотез.

В результате экспертного исследования 129 словарных единиц контент-анализа, описывающих мотивационные основы привязанности и/или отчуждения от дома, были распределены по категориям. Анализ конкордации выявил высокую согласованность экспертных оценок ($W=0.870$; $p \leq 0.001$).

Затем мы сравнивали соотношение встречаемости описаний каждой из четырех категорий (мотивационных основ) контент-анализа в двух темах – привязанности к дому и отчуждения от дома. Параметрическое сравнение средних четырех категорий (ANOVA) показало высоко достоверные различия между эмоционально-смысловым (Э), функционально-содержательным (Ф) и эмоционально-функциональным с функциональной доминантой (ЭФФ) мотивационными компонентами (таблица 4).

Таблица 4

Сравнение средних значений встречаемости каждого компонента при описании мотивов привязанности и отчуждения от дома (%)

Показатели	Четырехкомпонентная модель				Двухкомпонентная модель	
	Э**	Ф*	ЭФФ**	ЭФЭ	Э (Э+ЭФЭ)**	Ф (Ф+ЭФФ)**
Привязанность	29.72	55.11	59.29	46.79	38.25	57.20
Отчуждение	70.28	44.89	40.71	53.21	61.75	42.80
Итого	100	100	100	100	100	100

Примечание: * – $p \leq 0.01$; ** – $p \leq 0.001$.

Таким образом, Привязанность и Отчуждение от дома имеют разные мотивационные основы, а именно: переживание привязанности к дому сильнее мотивируется функционально-содержательными характеристиками домашней среды, а отчуждение от дома – эмоционально-смысловым наполнением дома. Была также проверена двухкомпонентная модель (t-критерий Стьюдента), в которой компоненты эмоционально-функционального единства объединены с основными компонентами (объединены компоненты Э и ЭФЭ, а также и Ф и ЭФФ). Результаты указали на высоко достоверные различия ($p \leq 0.001$) между средними значениями двух компонентов мотивационной основы как Привязанности, так и Отчуждения от дома, что говорит о высокой дифференцировке мотивов отношения человека к его дому. Дальнейшее изучение мотивов предполагает двухкомпонентную модель (Э и Ф компоненты) как более экономичную.

Была обнаружена следующая возрастная специфика мотивационного ядра Привязанности и Отчуждения от дома. ANOVA отразил различия между четырьмя возрастными группами по эмоционально-смысловому ($F=12.489$; $p \leq 0.001$) мотивационному компоненту Привязанности. Описания причин Отчуждения от дома значимо различаются между группами по эмоционально-смысловому (Э) ($F=4.693$; $p \leq 0.01$) и функциональному (Ф) ($F=3.783$; $p \leq 0.05$) компонентам. При описании причин Привязанности к дому в подростковом возрасте различия между встречаемостью компонентов Э и Ф (t-критерий Стьюдента) наиболее статистически значимы ($t=-7.811$; $p \leq 0.000$) (рис. 2). В юности и средней зрелости расхождение между этими компонентами также значимо ($t=-4.291$ и $t=-5.005$, соответственно при $p \leq 0.001$), но несколько сокращается, а к зрелому возрасту компоненты встречаются приблизительно с одинаковой частотой ($t=-0.350$; $p \leq 0.727$).

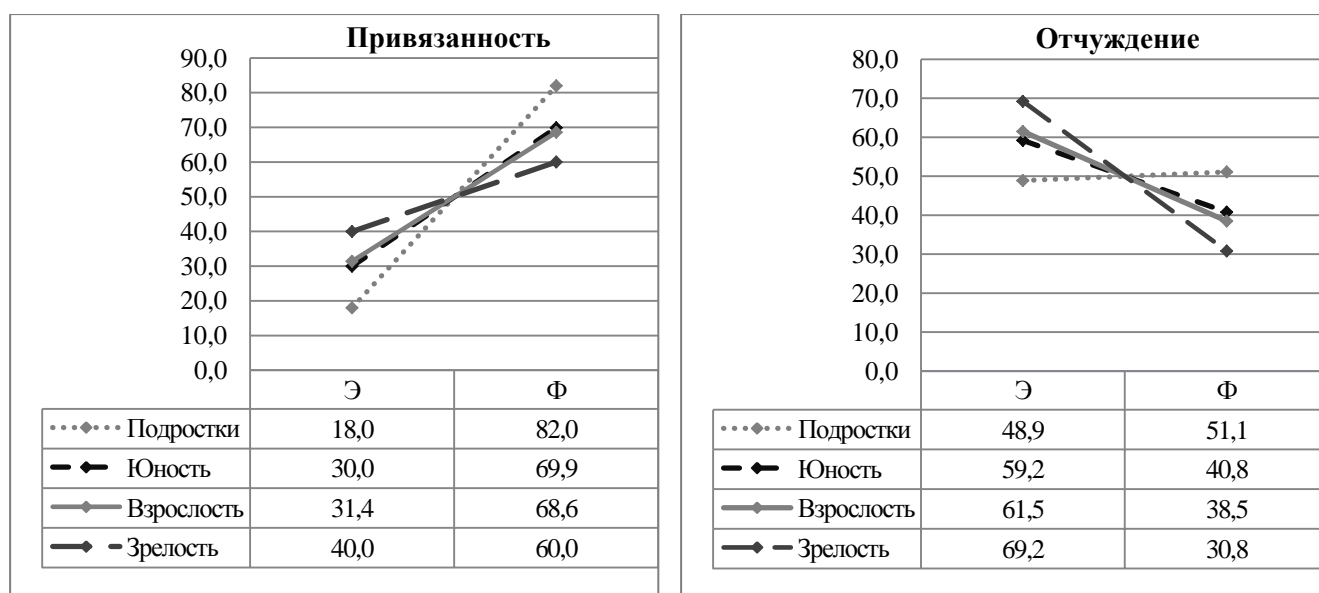

Рис. 2. Процентное распределение мотивационных компонентов Привязанности и Отчуждения в каждой возрастной группе (%)

При описании мотивационных основ Отчуждения от дома в подростковом возрасте различия между встречаемостью Э и Ф компонентов минимальны ($t=-0.246$; $p\leq 0.806$). С возрастом расхождение между частотой встречаемости эмоционального и функционального компонентов последовательно растет (в юности – $t=4.451$ и в период взрослости – $t=4.532$, при $p\leq 0.001$) и достигает своего максимума в период зрелости ($t=4.642$, при $p\leq 0.000$). Результаты дисперсионного анализа позволили заключить, что у подростков Э-компонент при описании мотивов Привязанности обнаруживается гораздо реже ($p\leq 0.001$), чем у респондентов старших возрастов. В юности и взрослости он проявляется чаще, чем у подростков ($p\leq 0.001$), но реже, чем в зрелости ($p\leq 0.049$). Описание Отчуждения от дома в эмоционально-смысловых терминах у подростков наблюдается реже ($p\leq 0.025$), чем в юношеской группе и у взрослых и зрелых людей. Функционально-содержательный компонент мотивов Отчуждения более типичен для подростков, чем для людей периодов взрослости ($p\leq 0.040$) и зрелости ($p\leq 0.025$). То есть с возрастом значимость эмоционально-смыслового контекста дома возрастает как в отношении мотивировки привязанности к дому, так и в отношении отчуждения от него.

Гендерная специфика мотивационных компонентов состоит в том, что в женской подвыборке чаще, чем в мужской, используется эмоционально-смысловое описание дома при объяснении причин Привязанности к нему ($p\leq 0.001$) и Отчуждения от дома ($p\leq 0.05$).

Наконец, резюмируется исследование сопряженности мотивационных компонентов Привязанности и Отчуждения от дома с уровнями привязанности. Сравнение средних значений мотивационных компонентов Привязанности и Отчуждения у трех групп респондентов (W-критерий Краскела–Уоллиса) – со слабой, умеренной и сильной привязанностью к дому обнаружило статистически достоверные межгрупповые различия ($p\leq 0.01$) по Э-компоненту Привязанности к дому (таблица 5).

Таблица 5

Средние значения мотивационных компонентов Привязанности и Отчуждения от дома в группах респондентов со слабой, умеренной и сильной привязанностью к дому

Феномен	Компоненты	Уровни привязанности		
		Слабая	Умеренная	Сильная
Привязанность	Э*	0.249	0.364	0.444
	Ф	0.858	0.889	0.839
Отчуждение	Э	0.634	0.705	0.756
	Ф	0.458	0.444	0.453

Примечание: * – $p\leq 0.01$.

Анализ возрастных особенностей зависимости мотивации от уровня (силы) привязанности к дому продемонстрировал несущественно значимые различия ($p \leq 0.05$) только в группе респондентов подросткового возраста по Э-компоненту Отчуждения. А анализ гендерных особенностей обнаружил умеренно значимые различия ($p \leq 0.01$) у слабо-, умеренно- и сильно привязанных к дому женщин по Э-компоненту мотивации Привязанности. Полученные результаты позволяют полностью подтвердить гипотезу о том, что мотивационные основы Привязанности и Отчуждения от дома различаются, а также подтверждают зависимость мотивов только от возраста и пола, но не от уровня привязанности.

В **заключении** констатируется, что теоретическая гипотеза подтвердилась: привязанность к дому представляет собой самостоятельный феномен со своей структурой, особенностями проявления и спецификой формирования и обладает мощным регуляторным, адаптивным, валеологическим и ценностным потенциалом в жизни человека. Отношение человека к его дому контекстуально, вписано в жизненный цикл и отражает многообразие смыслов дома, специфичных для каждого возрастного этапа и поддерживающих личностное развитие. В работе предложена и верифицирована модель нормативной привязанности к дому. Эмпирические гипотезы подтвердились частично. Конкретные итоги исследования представлены в **выводах**.

1. Привязанность к дому обусловлена характеристиками образа дома, причем сильнее – образом реального дома, чем идеального. Наибольший вклад в привязанность вносят такие характеристики реального образа дома, как Ресурсность и Эргономичность. Фактор Прагматичности идеального образа дома не влияет на привязанность. Ослабляет привязанность к дому в первую очередь несоответствие между образами желаемого и реального дома, а также Отчужденность дома.

2. Обусловленность привязанности к дому образом дома зависит от возраста. Наиболее восприимчивыми к характеристикам образа реального дома оказываются подростки и представители юношеского возраста, а наименее – взрослые люди. Образ идеального дома в наибольшей степени вносит вклад в привязанность к дому у подростков, а в наименьшей степени – в привязанность взрослых людей. У подростков наиболее значимый вклад в привязанность вносят характеристики реальной домашней среды – Эргономичность, Ресурсность, возможность Самопрезентации и Историчность, а также функции идеального образа дома – Развитие, Стабильность и Защищенность. В юности привязанность поддерживается характеристиками образа реального дома – Ресурсностью, Эргономичностью, Управляемостью и возможностью Самопрезентации, а ослабляется Отчужденностью. Значимыми факторами идеального образа дома являются

возможность Развития и чувство Защищенности. В период зрелости на Привязанность оказывают влияние только характеристики реального образа дома, в особенности Ресурсность. В период зрелости Привязанность подкрепляется качествами реального дома, в особенности Ресурсностью, Управляемостью, а разрушается – Отчужденностью от дома. Во всех возрастах расхождение между образами желаемого и реального дома – значимый антипредиктор Привязанности.

3. Связь привязанности к дому и образа дома полоспецифична. В формировании привязанности у мужчин идеальный образ дома (функции Стабильности и Прагматичности) вносит больший вклад, чем у женщин (Защищенность). Женщины более чувствительны к характеристикам образа реального дома, чем мужчины. В формировании/поддержании привязанности к дому у женщин особенно весомый вклад вносят Управляемость и Пластичность дома, а у мужчин – возможность Самопрезентации и Историчность. Фактор Отчужденности является значимым антипредиктором привязанности к дому только у женщин.

4. Разные уровни (сила) привязанности поддерживаются разными качествами домашней среды. Для слабой привязанности такими качествами являются Ресурсность, Управляемость, Самопрезентация и Эргономичность, для умеренной – Эргономичность и Управляемость, а для сильной привязанности – только Ресурсность. Отрицательный вклад в переживание слабой, умеренной и сильной привязанности к дому вносит расхождение между образами желаемого и реального дома, в то время как фактор Отчужденности от дома негативно влияет только на слабую привязанность.

5. Сила привязанности зависит от стадии жизненного пути: слабая привязанность наиболее свойственна подросткам и реже всего обнаруживается у людей зрелого возраста. В разные возрастные периоды сила (уровни) привязанности определяется разной композицией предикторов-характеристик реального образа дома. Переживание слабой привязанности у подростков наиболее сильно положительно обуславливается Ресурсностью и Эргономичностью; в юности – Ресурсностью, Управляемостью, Самопрезентацией и Эргономичностью; в период средней зрелости – слабо подкрепляется Историчностью, а в зрелом возрасте таких предикторов не наблюдается. На переживание умеренной привязанности в подростковом и юношеском возрастах не влияют характеристики образа реального дома. В период зрелости в умеренную привязанность существенный вклад вносит Управляемость домашней среды, а в зрелом возрасте – Ресурсность. Сильная привязанность у подростков сильно модерируется возможностью Самопрезентации, в юности – умеренно Управляемостью и Ресурсностью, в период зрелости не детерминирована возможностями домашней среды, а в зрелости существенно

определяется Управляемостью, Ресурсностью и слабо – качеством образа идеального дома – Прагматичностью.

6. Уровни привязанности и их предикторы сопряжены с полом. Слабая привязанность у женщин регулируется широким спектром характеристик образа реального дома, особенно Ресурсностью, Управляемостью, Самопрезентацией и Эргономичностью, а у мужчин она регулируется Ресурсностью. Умеренная привязанность у женщин опосредуется Эргономичностью и Управляемостью жилища, у мужчин не связана с качествами жилища. Сильная привязанность у женщин сильно подкрепляется Ресурсностью и слабо Управляемостью домашней среды, а у мужчин – слабо Эргономичностью и возможностью Самопрезентации.

7. Привязанность к дому поддерживает Чувство гармоничности жизни как индикатор психологического здоровья личности на всех возрастных стадиях и независимо от пола. Чувство гармоничности жизни наиболее сильно обусловлено Привязанностью к дому у подростков, а наименее сильно – у представителей периода зрелости. Только сильная привязанность к дому положительно влияет на психологическое здоровье у подростков и представителей зрелого возраста.

8. Мотивы отношения человека к его дому обладают высокой дифференцированностью, а мотивационные основы поддержания Привязанности и Отчуждения от дома различаются. Люди склонны аргументировать мотивы своей привязанности к дому функциями и деятельностными возможностями домашней среды, а мотивы отчуждения от дома связывают с негативными эмоциями, ассоциациями и значениями, порождаемыми им.

9. Мотивационные основы Привязанности и Отчуждения сопряжены с возрастом и полом. Мотивы Привязанности к дому наиболее сильно определяются функциональностью домашней среды в подростковом возрасте, а наименее сильно – в период зрелости. А мотивы Отчуждения от дома наиболее сильно определяются эмоционально-смысловым наполнением дома в период зрелости, а наименее сильно – в подростковом возрасте. Женщины чаще, чем мужчины, связывают мотивы Привязанности и Отчуждения от дома с его эмоционально-смысловым наполнением.

10. Специфика мотивов Привязанности и Отчуждения не зависит от силы привязанности. Но намечается следующая общая тенденция: чем сильнее привязанность, тем сильнее она подкреплена положительными эмоциями и личностными смыслами, которые заключает в себе дом. А также половозрастные тенденции: высокий уровень привязанности к дому у подростков сопровождается более частым упоминанием негативных эмоций и значений дома как факторов Отчуждения от него. Женщины, переживающие сильную привязанность к дому,

чаще женщин со слабой или умеренной привязанностью, упоминают эмоционально-смысловые мотивы Привязанности к дому.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Резниченко С.И. Механизмы привязанности к жилому пространству у детей младшего школьного возраста [Текст] / С.И. Резниченко // Актуальные проблемы психологического знания. – 2013. – № 2. – С. 24–39 (1,03 п.л.).

2. Резниченко С.И. Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены [Текст] / С.И. Резниченко // Социальная психология и общество. – 2014. – № 3. – С. 15–27 (0,78 п.л.).

3. Резниченко С.И. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» [Текст] / С.К. Нартова-Бочавер, Н.С. Дмитриева, С.И. Резниченко, В.Б. Кузнецова, Е.И. Брагинец // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – № 4. – С. 71–83 (0,21 п.л.).

4. Резниченко С.И. Образ реального и идеального дома как модератор позитивного функционирования личности [Текст] / С.К. Нартова-Бочавер, С.И. Резниченко, Е.И. Брагинец, М.Б. Подлипняк // Социальная психология и общество. – 2015. – Т. 6. – № 4. – С. 9–22 (0,34 п.л.).

5. Резниченко С.И. Метод оценки привязанности к дому [Текст] / Резниченко С.И., Нартова-Бочавер С.К., Кузнецова В.Б. // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2016. – № 3. – С. 56–77 (0,55 п.л.).

Публикации в других изданиях:

1. Резниченко С.И. Мотивация привязанности к жилому пространству у младших школьников [Текст] / С.И. Резниченко // X межвузовская научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Молодые ученые – нашей новой школе». Тезисы. – М.: МГППУ, 2011. – С. 83–85 (0,20 п.л.).

2. Резниченко С.И. Жизненная среда и субъект: точки соприкосновения [Текст] / С.К. Нартова-Бочавер, К.Н. Агаларова, Н.С. Дмитриева, С.И. Резниченко // Гуманитарные и естественнонаучные факторы решения экологических проблем и устойчивого развития: материалы десятой международной научно-практической конференции. – Новомосковск: УРАО, 2011. – Ч. 1. – С. 32–34 (0,03 п.л.).

3. Резниченко С.И. Психологические конструкты, составляющие основу формирования привязанности человека к жилой среде [Текст] / С.И. Резниченко //

6-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. – М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2012. – С. 348–351 (0,20 п.л.).

4. Резниченко С.И. Образ жилого пространства как социально-психологический феномен. Субъект жилого пространства [Текст] / С.И. Резниченко // Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского) Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – М., Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. – С. 77–79 (0,20 п.л.).

5. Резниченко С.И. Феноменология идентификации с местом [Текст] / С.И. Резниченко // Личностная идентичность: вызовы современности. Материалы Всероссийской психологической научно-практической конференции. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2014. – С. 200–201 (0,18 п.л.).

6. Резниченко С.И. Роль домашней среды в поддержании психологического здоровья российских подростков [Текст] / С.К. Нартова-Бочавер, С.И. Резниченко, Н.С. Дмитриева, А.А. Бочавер // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете. Сборник материалов конференции. – М.: Когито-Центр, 2015. – Т. 2 – С. 385–387 (0,09 п.л.).

7. Резниченко С.И. Образ реального и идеального дома как валеологический фактор [Текст] / С.К. Нартова-Бочавер, С.И. Резниченко, Н.С. Дмитриева, А.А. Бочавер, Е.И. Брагинец, М.Б. Подлипняк // 7-я российская конференция по экологической психологии. Тезисы. – М.; СПб: ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2015. – С. 334–336 (0,02 п.л.).

8. Резниченко С.И. Функциональность домашней среды как ресурс поддержания психологического благополучия в молодом возрасте [Текст] / С.И. Резниченко, М.Б. Подлипняк // Психология – наука будущего: материалы VI Международной конференции молодых ученых, Материалы VI Международной конференции молодых ученых. – М.: Институт психологии РАН, 2015. – С. 360–362 (0,10 п.л.).

9. Резниченко С.И. Влияние функциональности жилища на переживание привязанности к домашней среде [Текст] / С.И. Резниченко // 7-я российская конференция по экологической психологии. Тезисы. – М.; СПб: ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2015. – С. 374–377 (0,2 п.л.).

10. Резниченко С.И. Роль феномена привязанности к домашней среде в поддержании психологического благополучия [Текст] / С.И. Резниченко // Психология и современный мир: материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Архангельск: САФУ, 2015. – Вып. 8. – Ч. 1. – С. 278–281 (0,15 п.л.).

11. Резниченко С.И. Домашняя среда как ресурс позитивного функционирования подростков [Текст] / Н.С. Дмитриева, С.И. Резниченко // XV научно-практическая конференция «Молодые ученые – столичному образованию». Тезисы. – М.: МГППУ, 2011. – С. 83–85 (0,10 п.л.).
12. Reznichenko S. Personality and dwelling preferences: what kind of home matches the person? [Text] / S. Nartova-Bochaver, N. Dmitrieva, S. Reznichenko // Personality and Individual Differences. – 2014. – V. 60. – P. 63 (0,01 п.л.).
13. Reznichenko S. How do home environments contribute to the mental health: case of Russian adolescents [Text] / S. Nartova-Bochaver, N. Dmitrieva, S. Reznichenko, A. Bochaver // InPact 2015 International Psychological Applications Conference and Trends. Proceedings. – Ljubljana, Slovenia: WIARS, 2015. – Pp. 374–378 (0,03 п.л.).
14. Resnichenko S. Home as a personal space and a source of well-being: horizons of description [Text] / A. Bochaver, S. Nartova-Bochaver, N. Dmitrieva, S. Reznichenko, // InPact 2015 International Psychological Applications Conference and Trends Proceedings. – Ljubljana, Slovenia: WIARS, 2015. – Pp. 255–257 (0,01 п.л.).
15. Reznichenko S. What do russian adolescents expect and receive from their home environments? [Text] / S. Nartova-Bochaver, N. Dmitrieva, S. Reznichenko, A. Bochaver // 17th European Conference on Developmental Psychology Program and Abstracts. – Braga, Portugal: University of Minho, 2015. – Pp. 443–444 (0,01 п.л.).
16. Reznichenko S. Home in early and late adulthood: perception and functions [Text] / A. Bochaver, N. Dmitrieva, S. Nartova-Bochaver, S. Reznichenko // 17th European Conference on Developmental Psychology Program and Abstracts. – Braga, Portugal: University of Minho, 2015. – P. 332 (0,01 п.л.).
17. Reznichenko S. Friendly home – moral inhabitants? [Text] / S. Nartova-Bochaver, S. Reznichenko, N. Dmitrieva, A. Bochaver // 2nd World Conference on Personality. Abstracts. – Brazil, Búzios: PPF, 2016. – P. 100 (0,01 п.л.).